

Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія.

Вопросъ о томъ, почему и для чего существуютъ человѣческія стваданія, и какъ нужно къ нимъ относиться, почти такъ же старъ, какъ само человѣчество, но отъ этого не могъ утратить своего интереса доселѣ, не можетъ его утратить и на будущее время. Причина этого слишкомъ ясна для того, чтобы ее нужно было долго искать. Вопросъ, занимающій насъ, не есть вопросъ чисто теоретическій и отвлеченный, въ разрѣшеніи котораго заинтересована одна наша любознательность: его ставитъ намъ сама жизнь; и не только ставитъ, но неотступно имъ преслѣдуетъ на каждомъ шагѣ. Если мы обращаемъ вниманіе на наши потребности и стремленія, то мы склонны думать, что наше назначеніе — счастье. Если же посмотрѣть на дѣйствительность, то скорѣе подумаешь, что мы созданы на лишенія, скорби и смерть. „Если-бы, говоритъ Шопенгауэръ, каждому ясно представить ужасныя страданія и муки, которыми постоянно открыта его жизнь, то его охватилъ бы ужасъ, и еслибы упорнѣйшаго оптимиста провести по больницамъ, лазаретамъ и хирургическимъ камерамъ пытокъ, по тюрьмамъ, комнатамъ истязаній и конюшнямъ рабовъ, по полямъ сраженій и мѣстамъ казни, затѣмъ раскрыть предъ нимъ темныя убожища нищеты, куда она заползаетъ отъ взоровъ холоднаго любопытства, и въ заключеніе дать ему заглянуть въ башню голода Уголино, то навѣрное и онъ увидалъ бы, какого рода этотъ meilleur des mondes possibles. Откуда же иначе взялъ и Дантъ матеріалъ для своего „Ада“, какъ не изъ того же нашего дѣйствительнаго міра? И однако же вышелъ настоящій адъ. Напротивъ,

когда онъ дошелъ до задачи — изобразить небо и его радости, то встрѣчается съ непреодолимыми трудностями, именно потому, что нашъ міръ не даетъ никакихъ матеріаловъ для чего-либо подобнаго. Поэтому ему ничего не оставалось, какъ вмѣсто райскихъ радостей передать намъ поученіе, которое сообщено было ему тамъ его прародителемъ, его Беатрисой и различными святыми. А отсюда достаточно ясно, какого рода этотъ міръ“ ¹⁾. Едва ли можно упрекнуть Шопенгауэра въ преувеличеніи до тѣхъ поръ, пока онъ говоритъ о мрачной сторонѣ человѣческаго существованія и нельзя съ нимъ не согласиться въ томъ, что нашъ міръ даетъ достаточно матеріала для изображенія ада. Неправъ онъ, какъ намъ кажется, лишь тогда, когда утверждаетъ, что въ этомъ мірѣ совсѣмъ ужъ нѣтъ никакихъ матеріаловъ для изображенія неба. Несомнѣнно, что наряду съ безчисленными скорбями жизнь наша даетъ намъ и высокія радости, и бываютъ моменты, когда небо открывается намъ уже здѣсь на землѣ. Нужно однако сознаться, что сумма радостей земныхъ въ сравненіи съ суммой страданій слишкомъ ничтожна, такъ что не препятствуетъ намъ признать, что жизнь человѣческая гораздо чаще является тяжелымъ бременемъ скорбей, чѣмъ свѣтлымъ праздникомъ радостей. „Если, говоритъ Григорій Богословъ, вѣрно установишь вѣсы и извѣсишь все, что въ жизни пріятнаго и что прискорбнаго, то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая напротивъ съ благами жизни побѣжитъ вверхъ“ ²⁾. Итакъ, оказывается, что дѣйствительная судьба человѣчества представляетъ собою горькую насмѣшку надъ его стремленіемъ къ счастію, заложеннымъ несомнѣнно въ его природѣ.

Но понятно, что человѣчество никогда не могло примириться съ такимъ положеніемъ дѣла, а должно было искать и дѣйствительно искало изъ него того или другого выхода. Вообще говоря, изъ указаннаго положенія возможны два выхода: однимъ изъ нихъ является устраненіе страданій изъ человѣческой жизни, другимъ — открытіе такой точки зрѣнія на страданія и такого способа отношенія къ нимъ,

¹⁾ Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. I, § 59.

²⁾ Творенія св. Григорія Богослова въ рус. пер., ч. 4, стр. 219.

при которыхъ они перестали бы быть насмѣшкою надъ человѣческою природой, а получали бы свое оправданіе и примиреніе съ человѣческимъ сознаніемъ въ какихъ-либо высшихъ цѣляхъ, въ достиженіи которыхъ человѣчество наиболѣе заинтересовано. На первомъ пути стоялъ міръ до—христіанской философіи, второй указываетъ Богооткровенная религія.

Всякое страданіе въ самомъ себѣ непосредственно заключаетъ побужденіе къ его устраненію. Въ виду этого понятно, что человѣчество прежде всего остановилось на первомъ пути къ разрѣшенію вопроса, состоящемъ въ попыткѣ устранить страданія. Здѣсь опять-таки возможно по самому существу дѣла такое раздѣленіе. Всякое страданіе есть собственно наше субъективное состояніе, имѣющее ту или другую объективную причину. Въ виду этого попытка избавиться отъ страданій можетъ быть направлена или на устраненіе объективной причины страданія, вслѣдствіе чего страданіе *предупреждается*, или на устраненіе самаго ощущенія страданія, которое въ этомъ случаѣ можетъ быть лишь *подавлено*, но не предупреждено. Легко видѣть въ какихъ исторически-сложившихся типахъ практической философіи нашли себѣ выраженіе два указанные способа разрѣшенія вопроса. Аристиппъ и за нимъ Эпикуръ говорили: избѣгай того, что причиняетъ страданіе и стремись къ тому, что даетъ наслажденіе. Съ другой стороны стоики, слѣдуя по пути, уже ранѣе указанному Анτισоеномъ и его школою, признаютъ, и совершенно справедливо, что избѣгать объективной причины страданій невозможно, невозможно также и дать перевѣсъ удовольствію надъ страданіями, потому что сами удовольствія въ результатѣ вовсе не доставляютъ намъ счастья, къ которому мы стремимся, а только лишаютъ насъ душевнаго мира и приводятъ къ разочарованіямъ, т. е. опять къ страданіямъ. Въ виду этого стоицизмъ рекомендуетъ намъ другое отношеніе къ страданіямъ. Мудрецъ, говоритъ онъ, долженъ стоять выше аффектовъ, совершенная апатія по отношенію къ страданію, какъ и къ удовольствію—вотъ его идеаль. Существуетъ только одно благо, достойное человѣческихъ стремленій—это добродѣтель, и только одно зло, котораго должно избѣгать—это порокъ. Все же прочее, относится ли оно къ разряду удовольствій,

какъ—богатство, почести, здоровье, или къ разряду страданій, какъ—бѣдность, позоръ, болѣзнь, смерть,—все это принадлежать къ области безразличнаго (*adiaphora*). Эпикуреизмъ и стоицизмъ суть два полюса, между которыми и деселѣ колеблется мысль человѣка, не желающаго примириться съ страданіями. Эпикуреизмъ въ его настоящемъ видѣ, какъ міровоззрѣніе болѣе поверхностное, чаще всего встрѣчается въ обыденной жизни. Стоицизмъ, напротивъ, свойственный умамъ, болѣе глубокимъ, чаще можно встрѣтить въ литературѣ. „Если можешь, говорить де-Виньи, то стремись, чтобы душа твоя усиленіемъ работы и мысли достигла высокой степени стоической гордости, до которой достигъ я, дитя природы. Плакать, вздыхать и молиться одинаково недостойно человѣка. Исполниай бодро твою долгую и трудную задачу на томъ поприщѣ, на которое судьба тебя призвала. Потомъ страдай и умри, не проронивъ ни одинаго слова“¹⁾.

Нельзя, конечно, не видѣть, что въ сравненіи съ эпикуреизмомъ стоицизмъ предлагаетъ исходъ болѣе благородный и возвышенный съ нравственной точки зрѣнія, но не болѣе осуществимый: мы не беремся рѣшить, что труднѣе—избѣжать ли страданій и потопить ихъ въ чашѣ наслажденій, или же сдѣлать себя безчувственнымъ по отношенію къ страданіямъ, стать выше всякихъ аффектовъ; нелегко рѣшить, что труднѣе, но только несомнѣнно, что то и другое превышаетъ человѣческія силы и слѣдовательно *для* *человѣка* невозможно. Какъ эпикуреизмъ, такъ и стоицизмъ впрочемъ въ концѣ концовъ сами признаютъ свою несостоятельность въ разрѣшеніи вопроса о страданіяхъ, когда указываютъ въ качествѣ послѣдняго убѣжища отъ нихъ—самоубійство. Предлагать такой исходъ значитъ отказаться о ъ разрѣшенія вопроса.

Итакъ, устраненіе страданій изъ человѣческой жизни, какимъ бы путемъ мы ни старались его достигнуть, есть задача неосуществимая. слѣдовательно, нуженъ другой путь въ разрѣшеніи вопроса. Разъ оказалось невозможнымъ устранить страданія, нужно посмотрѣть, нельзя ли какъ-либо примириться съ неизбежнымъ фактомъ ихъ существованія.

¹⁾ М. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Стр. 154.

нужно посмотрѣть, не лучше ли будетъ вмѣсто того, чтобы отталкивать его отъ себя, какъ что-то чуждое нашей природѣ, *принять*, какъ нѣчто, ей споспѣшествующее. Мы сказали уже, что такъ именно научаетъ насъ относиться къ страданіямъ Богооткровенная религія. Она учитъ насъ не возмущаться противъ страданій, какъ противъ безусловнаго зла, а принимать ихъ, какъ проявленія правды и любви Божіей по отношенію къ намъ.

Доселѣ, говоря о страданіяхъ, мы не принимали въ расчетъ того, насколько человѣчество ихъ заслуживаетъ, или не заслуживаетъ. На самомъ дѣлѣ это обстоятельство необходимо должно быть принято во вниманіе. Вѣдь страданія представляютъ собою что-то безусловно возмутительное лишь до тѣхъ поръ, пока они ничѣмъ незаслужены. Напротивъ наше нравственное сознаніе въ извѣстной мѣрѣ примиряется съ ними, если они служатъ справедливымъ возмездіемъ за какую-либо вину. Теперь вопросъ, заслуживаетъ ли человѣчество счастья, къ которому оно стремится, или, наоборотъ, оно, можетъ быть, болѣе заслуживаетъ страданій, отравляющихъ его существованіе?—Если мы поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ въ опытѣ—и своемъ внутреннемъ и пасъ окружающемъ,—то едва ли станемъ утверждать, что человѣчество страдаетъ безвинно. Напротивъ, мы можетъ быть согласимся съ Шопенгауэромъ, когда онъ говоритъ: „еслибы возможно было все міровое горе положить на одну чашу вѣсовъ, а всѣ грѣхи міра на другую, то стрѣлка навѣрное стала бы неподвижно“ ¹⁾. „Когда, говоритъ тотъ же философъ въ другомъ мѣстѣ, вступишь въ человѣческую *негодность* и остановишься въ ужасѣ предъ нею, нужно тотчасъ бросить взглядъ на *бодствіа* человѣческаго существованія; и, наоборотъ, если придеши въ ужасъ отъ послѣднихъ, нужно обратить вниманіе на негодность людей; тогда найдешь, что они взаимно уравниваются, и постигнешь вѣчное правосудіе“ ²⁾. Мы не беремся, конечно, рѣшить, дѣйствительно ли мѣра человѣческихъ страданій въ ихъ цѣломъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣрою человѣческихъ беззаконій, также взятыхъ въ ихъ совокупности. Во вся-

¹⁾ Миръ какъ воля и представленіе. I, § 63.

²⁾ Parerga und Paralipomena. II, 183.

комъ случаѣ это положеніе не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ опытомъ, и этого для насъ въ данномъ случаѣ весьма достаточно. Итакъ, опытъ свидѣлствуетъ, что человѣчество страдаетъ далеко не безъ вины. Въ полномъ соотвѣтствіи съ свидѣтельствомъ опыта стоитъ свидѣтельство Св. Писанія. Исторія грѣхопаденія показываетъ намъ, что страданіе появилось вмѣстѣ съ грѣхомъ и какъ наказаніе за грѣхъ¹⁾. Однако, если мы даже и примемъ это обстоятельство во вниманіе, если даже предположимъ и то, что количество человѣческихъ страданій не превышаетъ количества человѣческихъ грѣховъ, и тогда вопросъ о страданіяхъ еще не разрѣшенъ вполне даже съ юридической точки зрѣнія. И грѣшитъ и страдаетъ собственно не человѣчество, которое до извѣстной степени есть наша абстракція, а отдѣльные лица, въ своей суммѣ составляющія человечество. Поэтому соотвѣтствіе между количествомъ грѣха и страданія только тогда бы удовлетворительно разрѣшало вопросъ, еслибы оно имѣло мѣсто по отношенію къ каждой индивидуальной жизни. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Что часто и несомнѣнно бѣдствіе является естественнымъ и справедливымъ возмездіемъ за грѣхъ, это мы видимъ въ опытѣ: лѣность служить причиною бѣдности, распутство вызываетъ болѣзнь и т. п. Эти и подобные опыты, доступные наблюденію каждаго, вмѣстѣ съ естественнымъ чувствомъ справедливости, породили то воззрѣніе, по которому всякое бѣдствіе даже въ предѣлахъ индивидуальной жизни есть наказаніе за грѣхъ. Воззрѣніе это, очень распространенное въ древности, и теперь еще можно встрѣтить, особенно въ простомъ народѣ. Слѣды его сохранила намъ и Библія. Друзья Іова, напр., являются представителями этого именно воззрѣнія, когда высказываютъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что причиною страданій Іова служатъ какіе-либо его тяжкіе грѣхи²⁾, и прямо утверждаютъ, что человѣкъ нечестивый никогда не избѣгастъ наказанія здѣсь на землѣ, а праведный, наоборотъ, всегда получаетъ здѣсь же награду. Но если друзья Іова при этомъ ссылаются на опытъ, то съ большею гораздо основательностью на него же ссы-

¹⁾ Быт. 3, 15—19.

²⁾ Гл. 20, ст. 5 и слѣд.

дается самъ Іовъ для доказательства противоположной мысли. „За что, говоритъ онъ, беззаконные живутъ, состарѣваются и силами крѣпки? Дѣти ихъ устроены предъ лицомъ ихъ. Дома ихъ въ благополучіи безъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ.... Проводятъ въ счастіи дни свои и въ мигъ въ преисподнюю нисходятъ“ ¹⁾. Что внѣшнее благополучіе достается чаще на долю людей не самой высокой праведности, и наоборотъ страданія часто бываютъ удѣломъ праведниковъ, это едва ли для насъ можетъ подлежать сомнѣнію.

Оказывается, такимъ образомъ, что, хотя страданія и служатъ наказаніемъ за наши грѣхи, однако наказаніе это распредѣлено безъ строгаго соотвѣтствія со степенью виновности наказываемыхъ. Это обстоятельство показываетъ намъ, что указанная сейчасъ точка зрѣнія на страданія объясняетъ ихъ не вполне и требуетъ себѣ восполненія въ другой какой-либо точкѣ зрѣнія, открывающей въ предметѣ новую сторону. Но до извѣстной степени вопросъ несомнѣнно разрѣшенъ. Разъ мы знаемъ, что страданія служатъ наказаніемъ за грѣхъ, то никто уже не можетъ сказать, что онъ терпитъ незаслуженно. Если даже такіе праведники, какъ апостолы, причисляли себя къ числу людей, много согрѣшающихъ и подлежащихъ закону грѣха, то что должны мы сказать о себѣ? Каждый изъ насъ вѣроятно согласится съ тѣмъ, что въ нашей жизни несравненно меньше моментовъ, когда мы можемъ быть до извѣстной степени довольны собою, какъ нравственными личностями, въ сравненіи съ тѣми, когда мы осуждаемъ себя за свое нравственное состояніе? Какъ же можемъ мы послѣ этого роптать на то, что въ нашей жизни скорбей больше, чѣмъ радостей? Правда, что не всѣ наказываются одинаково: одни по всей строгости, другіе съ большимъ снисхожденіемъ. Почему это такъ, судить не намъ. Но во всякомъ случаѣ нравственное сознаніе наше вовсе насъ не уполномочиваетъ требовать, чтобы снисхожденіе оказывалось всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Послѣ этого остаются еще тѣ случаи, въ которыхъ страданія превосходятъ вину. Хотя строгое соотвѣтствіе между виною и наказаніемъ можетъ установить только вѣчное правосудіе, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ

¹⁾ Гл. 21, ст. 9—13.

не признать страданія до извѣстной степени незаслуженными или веповинными — это тогда, когда виновность несомнѣнно бываетъ очень мала, а страданія слишкомъ жестоки. Но въ этомъ случаѣ страданія не теряютъ еще значенія наказаній. Св. Писаніе даетъ основанія думать, что мы несемъ наказаніе не за свои только грѣхи, а и за грѣхи ближнихъ ¹⁾. Поэтому, если страданіе не есть наказаніе за личные грѣхи страдающаго, то оно есть наказаніе за грѣхи другихъ. Если же мы примемъ предположеніе, что количество человѣческихъ страданій въ совокупности равняется количеству человѣческихъ грѣховъ, то мы должны будемъ признать, что не существуетъ ни одного страданія, которое не служило бы наказаніемъ за чей-либо грѣхъ. Правда, что для юридическаго сознанія эта мысль не совсѣмъ удобопріемлема, но она имѣетъ важное значеніе и вполнѣ удобопріемлема съ нравственно-педагогической точки зрѣнія, къ которой мы сейчасъ перейдемъ. Впрочемъ, до извѣстной степени и съ требованіями справедливости согласно, чтобы мы терпѣли наказаніе за грѣхи другихъ. Нужно принять во вниманіе, что всѣ мы въ совокупности создаемъ и поддерживаемъ ту нравственную атмосферу, въ которой живемъ, и поскольку испорченность этой атмосферы, лежащая на нашей отвѣтственности, обусловливаетъ собою прегрѣшенія отдѣльнаго лица, настолько послѣднія также ложатся на нашу нравственную отвѣтственность.

Но если бы даже съ несомнѣнностью нашли, что страданія каждаго отдѣльнаго лица служатъ совершенно справедливымъ возмездіемъ за его грѣхи, то и тогда нельзя думать, что съ вопросомъ о страданіяхъ дѣло совершенно покончено. Конечно, въ этомъ случаѣ мы лишены нравственнаго права возмущаться противъ страданій и роптать на нихъ. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ плохо иногда въ нашей жизни психологія ладитъ съ логикой: мы можемъ прекрасно понимать всю неосновательность и незаконность нашего возмущенія, но не можемъ его преодолѣть: страданія все-таки зло, хотя бы и вполнѣ нами заслуженное. Юридическое разрѣшеніе вопроса показало намъ, что рана, которою мы страдаемъ, нанесена нашими собственными ру-

¹⁾ Исх. 34, 7. 2 Цар. 24, 17.

ками, но оно не дало намъ средствъ для уврачеванія раны. И нельзя винить человѣческое сердце, что оно не можетъ примириться съ страданіями, даже сознавая, что по строгой справедливости они вполнѣ заслужены. Мы вѣдь знаемъ, что *summum jus* часто есть вмѣстѣ съ тѣмъ *summa injuria*, потому что справедливость, не смягчаемая никакимъ спихожденіемъ, есть жестокость, нипримируемая съ нашимъ нравственнымъ чувствомъ, которое требуетъ не только безпристрастія, но и милости, не только правды, но и любви.

Взглядъ на страданія, какъ на дѣйствія Божественнаго правосудія, наиболѣе свойственъ Ветхому Завѣту, хотя, конечно, не отвергается и Новымъ, а лишь восполняется имъ. Съ другой стороны уже Ветхому Завѣту не чуждо воззрѣніе, по которому страданія являются выраженіемъ отеческой любви Бога къ людямъ ¹⁾). Но полного разрѣшенія проблемы Ветхій Завѣтъ ожидалъ отъ Мессіи, который, долженъ былъ „исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, возвѣстить годину благоволенія Господня, утѣшить всѣхъ печальныхъ, постановить, чтобы сѣтующимъ о Сіонѣ даны были вѣнецъ вмѣсто пепла, елей радости вмѣсто печали, одежда славы вмѣсто духа унынія“ ²⁾). Эту годину благоволенія Господня дѣйствительно возвѣстилъ намъ Христосъ, провозгласивъ съ самаго же начала своей общественной проповѣди: „блаженни плачущіе, ибо они утѣшатся“. Здѣсь слышенъ уже не голосъ карающей правды, а слова отеческой любви. Для страждущаго человѣчества это былъ дѣйствительно елей радости вмѣсто печали, потому-что ласка и любовь для больного сердца тоже, что елей для раны. Но Христосъ возвѣстилъ новое воззрѣніе на страданія не однимъ словомъ, а и дѣломъ. Приглашая другихъ съ покорностью и, если можно, съ радостью взять и нести свой крестъ, Онъ Самъ прежде всего избралъ путь креста, „намъ оставивъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ его“, какъ говоритъ апостолъ ³⁾). Своимъ примѣромъ Христосъ примиряетъ насъ съ страданіями и даетъ средство къ ихъ перенесенію. Если Онъ, совершенно безгрѣшный, пріобщился всѣмъ скорбямъ

¹⁾ Прит. 2, 11—12.

²⁾ Исал., 61, 1—3.

³⁾ 1 Петр. 2, 21.

человѣческой жизни и въ концѣ ея претерпѣлъ самыя страшныя мученія, то мы послѣ этого менѣе всего можемъ роптать на страданія, хотя бы и невинныя на нашъ взглядъ. „Съ терпѣніемъ, говоритъ апостоль Павелъ, будемъ проходить подлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, Который вмѣсто предлагавшей ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе... Помыслите о Претерпѣвшемъ такое надъ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемочь и не ослабѣть душами вашими“ ¹⁾. Эта мысль о страданіяхъ Христа уже сама по себѣ даетъ средство къ перенесенію страданій всѣмъ любящимъ Христа. Вѣдь мы знаемъ, что раздѣлить участь любимаго существа, хотя бы и тяжкую участь, для насъ не мученіе, а счастье. Это самое должно имѣть мѣсто у всякаго любящаго Христа по отношенію къ Нему. Апостоль Павелъ неоднократно указываетъ на то, что, переноса страданія, мы страдаемъ вмѣстѣ со Христомъ ²⁾. Мало того, жизнь истиннаго христіанина такъ тѣсно соединена съ жизнью Христа, что на страданія свои онъ смотритъ, какъ на страданія Христовы. „По мѣрѣ того, говоритъ тотъ же апостоль, какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостоль говоритъ о себѣ, что онъ „носитъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ“ ⁴⁾, восполняетъ недостатокъ скорбей Христовыхъ въ плоти своей ⁵⁾ и насъ убѣждаетъ „носить поруганіе Христово“ ⁶⁾. Съ другой стороны мы видимъ, что тотъ же апостоль Павелъ среди постоянныхъ скорбей и лишеній, которыми была полна его подвижническая жизнь, не только не сѣтуетъ, а даже радуется и благодушествуетъ по его собственнымъ словамъ ⁷⁾.

Давая нравственныя средства къ перенесенію страданій въ любви ко Христу, христіанство и самыя страданія разсматриваетъ, какъ выраженіе любви Божіей къ намъ. На это

¹⁾ Евр., 12, 2—3.

²⁾ Рим. 8, 17, Фил. 3, 10.

³⁾ 2 Кор. 1, 5.

⁴⁾ Гал. 6, 17.

⁵⁾ Кол. 1, 24.

⁶⁾ Евр. 13, 13.

⁷⁾ 2 Кор. 4, 8; 5, 6; 6, 10.

указываетъ апостолъ Павелъ, говоря: „если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли такой сынъ, котораго не наказывалъ бы отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое вѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны.... Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности“¹⁾. Также и апостолъ Іаковъ говоритъ, что искушенія, т. е. тѣ же страданія, посылаются намъ для того, чтобы мы были совершенны во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ страданія содѣйствуютъ нашему совершенству, мы должны коснуться одного возможнаго возраженія. Могутъ именно возразить, что, съ точки зрѣнія простой человѣчности, должно считать признакомъ несовершенства извѣстной педагогіи, если она для осуществленія своихъ цѣлей должна прибѣгать къ причиненію страданій тѣмъ, кого она воспитываетъ. Слѣдовательно, смотрѣть на страданія, какъ на педагогическія средства, примѣняемыя по отношенію къ намъ для нашего совершенства Богомъ, значитъ считать Его слишкомъ неискуснымъ педагогомъ.—Конечно, это плохая педагогія, которая припуждена увеличивать и безъ того слишкомъ большое въ человѣческой жизни количество страданій. Но если она пользуется возникшими помимо ея страданіями, то достоинство ея отъ этого не умаляется и должно быть опредѣляемо только тѣмъ, насколько искусно она пользуется этимъ средствомъ и насколько плодотворныхъ результатовъ достигаетъ. Обращаясь теперь къ человѣческимъ страданіямъ вообще, мы находимъ, что конечная вина ихъ заключается не въ Богѣ, а въ свободной волѣ человѣка, извратившаго своимъ паденіемъ нормальныя отправления своей собственной природы и нормальный порядокъ внѣшняго міра. Въ виду этого самое существованіе страданій нисколько не служитъ ущербомъ для достоинства Божественной педагогіи, и напротивъ проявленіемъ высочайшей цѣлесообразности и премудрости Божіей является то обстоятельство, что стра-

¹⁾ Евр. 12, 7—8 11.

²⁾ Гл. 1, ст. 4.

данія изъ необходимаго слѣдствія грѣха обращены въ необходимое же орудіе противъ того же грѣха. Мы не знаемъ, конечно, какими путями Богъ велъ бы человѣка къ совершенству въ томъ случаѣ, если бы онъ устоялъ въ первоначальной невинности, но знаемъ, что разъ этого не случилось и человѣкъ можетъ достигать нравственнаго совершенства только въ борьбѣ со грѣхомъ, то страданія стали совершенно необходимы для достиженія человѣкомъ своего нравственнаго назначенія. Теперь мы должны показать, какимъ именно образомъ страданія могутъ вести насъ къ нравственному совершенству.

Наша индивидуальная нравственность можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ — со стороны формальной и со стороны содержанія. Формальную сторону нравственности каждаго отдѣльнаго субъекта составляетъ его нравственный характеръ, опредѣляющій собою общіе способы его моральнаго дѣйствованія; содержаніе есть самая нравственная жизнь, опредѣляемая этимъ характеромъ, т. е. извѣстными настроенія, влеченія и поступки. Она въ свою очередь имѣетъ двѣ стороны — отрицательную, которая состоитъ въ борьбѣ и разрушеніи и положительную, которая состоитъ въ созиданіи: съ одной стороны это есть искорененіе противоравственнаго въ нашей природѣ — грѣха и достиженіе личной чистоты и непорочности, съ другой — насажденіе извѣстнаго добраго сѣмени, извѣстнаго нравственнаго настроенія, влекущаго къ добрымъ дѣламъ. Отсюда вытекаютъ три главные момента христіанской нравственной жизни: воспитаніе характера, борьба со грѣхомъ или съ ветхимъ человѣкомъ, и облеченіе въ новаго человѣка, проникнутаго духомъ христіанской любви и смиренія. Въ каждомъ изъ этихъ моментовъ страданія имѣютъ важное нравственно-воспитательное значеніе.

Главные достоинства характера, обезпечивающія успѣхъ какой бы то ни было, а слѣдовательно и нравственной, дѣятельности — это твердость и постоянство. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ качествъ, дѣйствіе можетъ удаваться намъ лишь въ томъ случаѣ, если выполненіе его обставлено самыми благоприятными условіями, и наоборотъ при первомъ же препятствіи рѣшимость наша готова ослабѣть и совсѣмъ даже исчезнуть. Но съ другой стороны, тамъ, гдѣ нѣтъ препятствій,

нѣтъ также и случая къ упражненію и укрѣпленію характера, и разъ мы имѣемъ извѣстную степень нравственной энергіи для борьбы съ препятствіями (а въ извѣстной степени она несомнѣнно есть у каждого отъ природы), то для развитія этой энергіи необходимо, чтобы она находила для себя приложеніе. Теперь мы спросимъ, чѣмъ могла бы развиваться наша нравственная энергія, если бы въ нашей жизни не было страданій? То, что намъ безусловно пріятно, не даетъ никакого повода для борьбы, и, наоборотъ, разъ возникъ этотъ поводъ, значить и въ самомъ пріятномъ есть что-нибудь непріятное, т. е. страданіе. Такимъ образомъ, только въ страданіяхъ мы находимъ средство къ развитію и укрѣпленію духовной энергіи. „Друзья! когда бушуетъ буря, вѣтра моя становится глубже, говоритъ Викторъ Гюго. Въ ураганѣ, я чувствую, сознаніе долга блеститъ лучами молніи и вѣтра въ истину укрѣпляется. Возрастающая опасность увеличиваетъ лишь душевную отвагу. Страданіемъ украшается подвигъ и утверждается правота“ ¹⁾. Ненужно, безъ сомнѣнія, быть очень хорошо знакомымъ съ наукой о воспитаніи и съ самою практической жизнью, чтобы найти фактическое подтвержденіе нашихъ мыслей. Всѣмъ извѣстно, до какой степени часто оказываются неспособными къ самостоятельной жизни тѣ люди, которыхъ слишкомъ избаловали въ дѣтствѣ ихъ родители и воспитатели, предусмотрительно старавшіеся устлать ихъ жизненный путь одними только розами и устранить съ него все шипы. Конечно, бываютъ счастливо одаренныя натуры, которыхъ не портятъ даже такое неразумное воспитаніе; но это уже не вина воспитателей, а того обстоятельства, что никакая заботливая рука не въ состояніи совершенно оградить насъ отъ страданій, и чѣмъ богаче натура, тѣмъ скорѣе она находитъ причину для нихъ, если не во внѣшней окружающей средѣ, то внутри самой себя. Вотъ почему и христіанство на стра-

¹⁾ ...Quand la tempête gronde,
 Mes amis, je me sens une foi plus profonde,
 Je sens dans l'ouragan le devoir rayonner,
 Et l'affirmation du vrai s'enraciner
 Car le péril croissant n'est pour l'âme autre chose
 Qu'une raison de croire en courage, et la cause
 S'embellit, et le droit s'affermir en souffrant.

данія смотреть, какъ на средство воспитанія характера. Мысль эту мы найдемъ и въ св. Писаніи и у св. отцовъ. св. Писаніе выражаетъ эту мысль, когда говоритъ, что страданія воспитываютъ въ насъ *терпѣніе*. „Съ великою радостью, говоритъ ап. Іаковъ, принимайте, братія мои, когда впадаете въ различные искушенія, зная, что *испытаніе нашей вѣры производитъ терпѣніе*“ ¹⁾. То же говоритъ и ап. Павелъ: „хвалимся скорбями, зная, что отъ скорби происходитъ *терпѣніе*“ ²⁾. Испытанія и скорби, говоритъ св. Макарій Египетскій, наводятся на человѣка для пользы его; ибо онѣ дѣлаютъ душу опытниѣе и тверже“ ³⁾. Св. Ефремъ Сириецъ, указывающій значеніе скорбей для воспитанія характера въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и Макарій Египетскій ⁴⁾, слѣдующими словами изображаетъ плоды терпѣнія для нравственной жизни: „Терпѣливый, говоритъ онъ, достигаетъ всякой добродѣтели. Въ скорбяхъ онъ радуется; въ нуждахъ оказывается благоискуснымъ; въ искушеніяхъ восхищается;... за оскорбленія онъ благословляетъ; въ ссорахъ хранить миръ; въ безмолвіи мужественъ, въ псалмопѣніи не лѣнивъ, къ постамъ готовъ, въ молитвахъ терпѣливъ,... въ оказаніи услугъ любезенъ, въ обращеніи привлекателенъ, въ общежитіи съ братствомъ пріятенъ, въ бдѣніяхъ не угрюмъ, въ попеченіи о странныхъ старателенъ, въ хожденіи за немощными предупредителенъ; первый помощникъ во всякомъ затруднительномъ положеніи“ ⁵⁾.

Укрѣпляя нашъ характеръ, страданія уже вслѣдствіе этого содѣйствуютъ намъ въ борьбѣ со грѣхомъ. Но они содѣйствуютъ ей еще и болѣе близкимъ, болѣе прямымъ путемъ: они сами по себѣ уже искореняютъ грѣхъ, какъ говоритъ апостоль: „какъ Христосъ пострадалъ плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо *страдающій плотию перестаетъ грѣшить*“ ⁶⁾. Какимъ же образомъ происходитъ это, что страдающій перестаетъ грѣшить?

¹⁾ Гл. 1, ст. 2—3.

²⁾ Рим. 5, 3.

³⁾ Макарій Егип., О свободѣ ума, гл. 14.

⁴⁾ Творенія Ефрема Сирина, т. 14, ч. 3, стр. 155.

⁵⁾ Ibid., т. 12, ч. 1, стр. 12—13.

⁶⁾ 1 Петр. 4, 1.

Отвѣтъ на это мы пайдемъ въ психологіи грѣха. Грѣхъ возможенъ только потому, что онъ въ какомъ-либо отношеніи привлекателенъ: иначе отступленіе отъ добродѣтели, т. е, отъ нравственно *должнаго* или *необходимаго*, было бы невозможно; привлекательность грѣха даетъ ему доступъ въ нашу душу; она же причина того, что онъ легко усваивается нашей душой и прочно въ ней укрѣпляется. Вслѣдствіе этого преодоленіе грѣха одними только мотивами нравственнаго долга становится невозможно. Апостолъ Павелъ пишетъ: „по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ Законѣ Божиѣмъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня *плѣнникомъ* закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ ¹⁾. Если даже апостолъ говоритъ о себѣ, что подъ вліяніемъ этого плѣняющаго его закона грѣховнаго онъ дѣлаетъ не добро, котораго хочетъ, а зло, котораго не хочетъ, то съ гораздо меньшимъ успѣхомъ можетъ бороться законъ добра противъ закона грѣховнаго въ обыкновенномъ смертномъ. Нужна, слѣдовательно, какая-либо другая сила, отвлекающая человѣка отъ грѣха. Такою силою являются страданія. Овладевъ нашею душою, грѣхъ обращаетъ на служеніе себѣ всѣ ея силы и можетъ совершенно ихъ поработить себѣ: воображеніе и память рисуютъ сознанию соблазнительныя картины грѣха, умъ изыскиваетъ лишь средства къ совершенію грѣха, чувство не хочетъ никакихъ удовольствій, кромѣ грѣховныхъ — и въ результатѣ одни только грѣховныя рѣшенія воли. Случившись въ такой моментъ, несчастія производятъ благотѣльный переворотъ: психическая энергія обращается совсѣмъ въ другую сторону, и направленіе душевной жизни измѣняется самымъ радикальнымъ образомъ. Проходитъ несчастіе, и наша душа оказывается какъ бы обновленною: прежде такъ занимавшія и даже порабоцавшія ее грѣховныя влеченія кажутся ей уже чѣмъ-то далекимъ и совершенно чуждымъ. Все это приложимо, впрочемъ, не только къ несчастіямъ крупнымъ и рѣдко случающимся, но и къ обыденнымъ, такъ сказать, жизненнымъ скорбямъ и лишеніямъ, поскольку они указаннымъ образомъ парализуютъ энергію грѣха. Прекрасный

¹⁾ Рим. 7, 22—23.

образъ того, какъ несчастія очищаютъ душу находимъ въ Ветхомъ Заветѣ, когда здѣсь несчастія сравниваются съ горниломъ, въ которомъ очищаются металлы ¹⁾. Поэтому же и ап. Павелъ, указавъ на многочисленныя скорби, претерпѣваемыя апостолами, говоритъ: „мы не унываемъ; но если внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется“ ²⁾. Есть и другой путь, которымъ страданія ведутъ къ очищенію души отъ грѣха—это разочарованіе въ жизни. Конечно, совершенное отрицаніе цѣнности бытія, или пессимизмъ, есть вещь вредная въ нравственномъ отношеніи, потому что онъ парализуетъ нравственную энергію. Но разочарованіе въ настоящей жизни настолько, насколько она того заслуживаетъ, выводитъ насъ лишь изъ заблужденія относительно цѣнности ея благъ и въ нравственномъ отношеніи весьма полезно: оно ослабляетъ погоню за обманчивыми благами внѣшняго міра и заставляетъ искать блага въ томъ, что выше превратностей судьбы—въ добродѣтели. Такого именно рода, весьма полезное для нравственности, разочарованіе мы находимъ всюду въ сочиненіяхъ Григорія Богослова, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ и то, какими глубокими страданіями была исполнена душа этого святого мужа. „Что это за жизнь?“—восклицаетъ онъ. Это — „быстрый потокъ бѣгущей рѣки, въ которой непрестанно одно уходитъ, другое приходитъ, и ничего нѣтъ постояннаго.... Много путей многобѣдственной жизни, и на каждомъ встрѣчаются свои скорби; нѣтъ добра для людей, къ которому не примѣшивалось бы зло, и хорошо еще, еслибы горестей не составляли большей мѣры. Богатство невѣрно; престолъ—киченіе сновидца; быть въ подчиненіи тягостно; бѣдность—узы; красота—кратковременный блескъ молніи; молодость—временное воспламеніе;... слава — воздухъ, ... сила — достоиніе и дикаго вепря; пресыщеніе—нагло; супружество—иго; многочадіе—необходимая забота; безчадіе—болѣзнь; народныя собранія—училище пороковъ; недѣятельность расслабляетъ; воздѣлывать землю трудно; отечество — собственная яма; чужая сторона—укоризна. Смертнымъ все трудно; все здѣш-

¹⁾ Притч. XVII, 3.

²⁾ 2 Кор. 4, 16.

нее — смѣхъ, пухъ, тѣнь, призракъ, роса, дуновеніе, перо, паръ, сонъ, волна, погоня, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ, кругъ, вѣчно кружащійся, возобновляющій все подобное прежнему“¹⁾). Проникнувшись такимъ воззрѣніемъ на блага жизни, человѣкъ перестанетъ увлекаться ими и предпочтетъ искать духовнаго удовлетворенія въ спокойствіи чистой совѣсти и въ сознаніи исполненнаго нравственнаго долга. Такимъ образомъ страданія очищаютъ нашу душу и — по слову Спасителя: „блаженни чистиі сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ, — приближаютъ насъ къ Богу. „Въ какой мѣрѣ, говоритъ преподобный Исаакъ Сиринъ, человѣкъ будетъ пренебрегать міромъ симъ и ревновать о страхѣ Божіемъ, въ такой приближается къ нему Божій Промыслъ.... Богъ близокъ къ скорбящему сердцу того, кто къ нему вопіетъ въ скорби. Если и подвергается иногда въ тѣлесномъ лишеніямъ и инымъ скорбямъ; то претерпѣніе этого обра- щаетъ намъ въ помощь, какъ и врачъ въ тяжкой болѣзни возстановляетъ здравіе сѣченіемъ членовъ“²⁾). Нужно къ этому еще прибавить, что несчастія приближаютъ къ Богу не только тѣхъ, кто ихъ переноситъ, но и тѣхъ, кто на нихъ только смотритъ со стороны. Какъ видъ счастья приковываетъ нашъ взоръ къ землѣ, такъ на оборотъ видъ несчастія устремляетъ его къ небу. На это указываетъ Шиллеръ, когда говоритъ:

Видя счастлива, боговъ — небожителй я забываю;
Но предо мною они, когда я увижу страдальца.

Мы видѣли, какимъ образомъ посредствомъ страданій достигается искорененіе грѣха и нравственная чистота души. Но то и другое не есть окончательная наша нравственная задача. Подобно тому, какъ очищеніе почвы отъ тернія есть лишь подготовительная работа земледѣльца для посѣва, такъ и очищеніе души есть тоже приготовленіе нравственной почвы для насажденія положительнаго нравственнаго содержанія. Этимъ содержаніемъ по христіанскому ученію служитъ любовь, проникающая собою всю нашу духовную жизнь. Мы посмотримъ теперь, что могутъ дать намъ стра-

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова, ч. 4, стр. 221 — 223.

²⁾ Твор. Исаака Сирина въ рус. пер., стр. 423.

данія для достиженія этой положительной нравственной задачи.

Идеаломъ христіанской любви является полное единеніе душъ по образу существеннаго единства Отца съ Сыномъ, какъ говоритъ Христосъ ¹⁾. Наиболѣе совершенное осуществленіе этого идеала на землѣ находимъ въ первоначальной христіанской общинѣ, когда, по выраженію дѣнисателя, у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа ²⁾. Способствуютъ ли страданія такому объединенію душъ?—Несомнѣнно. Однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій нашей любви къ ближнимъ является состраданіе, необходимыми условіями котораго служатъ страданія — другихъ и свои собственные: страданія другихъ — потому, что безъ нихъ *нечему* было бы сострадать, наши собственные страданія — потому, что безъ нихъ мы *не умѣли* бы сострадать. Пасколько важное значеніе имѣетъ состраданіе въ нравственной области, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые считаютъ его основаніемъ самой нравственности. Но здѣсь нужно предупредить одно возможное недоразумѣніе. Могутъ возразить: это правда, что состраданіе вызывается страданіемъ, но оно и нужно лишь постольку, поскольку существуютъ страданія, нужно именно, какъ средство къ ихъ устраненію или по кайней мѣрѣ смягченію. Послѣднее несправедливо. Конечно, ближайшимъ образомъ состраданіе нужно для устраненія вызвавшаго его страданія, но оно имѣетъ и болѣе глубокое значеніе. Часто мы не въ состояніи оказать нашему ближнему никакой помощи въ его страданіи, а между тѣмъ и въ этомъ случаѣ состраданіе не теряетъ своего значенія; напротивъ, самый фактъ его существованія весьма важенъ. Важенъ онъ потому, что едва ли есть чувство, способное связать сердца людей болѣе тѣсными нравственными узами, чѣмъ какими связываетъ ихъ состраданіе: въ немъ мы прямо живемъ жизнью своихъ ближнихъ, живемъ въ нихъ, и такимъ образомъ приближаемся къ указанному Христомъ идеалу: „какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ“. Правда, что мы можемъ сочувствовать ближнимъ не въ однихъ только несчастіяхъ, а и

¹⁾ Іоан. 17, 21.

²⁾ Дѣян., 4, 32.

въ радостяхъ; но чувство сорадованія никогда не трогаетъ нашего сердца такъ живо и глубоко, никогда не призываетъ насъ къ такому близкому и дѣятельному участию въ жизни другого, какъ чувство состраданія. Такимъ образомъ, состраданіе имѣетъ значеніе не только для того, кому оно оказывается, а и для того, кто его оказываетъ, и для послѣдняго часто больше, чѣмъ для перваго; это явленіе весьма обычное, что благодѣтели бываютъ больше привязаны къ тѣмъ, кому они благодѣтельствуютъ, чѣмъ послѣдніе къ нимъ. Съ другой стороны и для того, кому оказывается состраданіе, оно не теряетъ значенія даже тогда, когда не можетъ выразиться ни въ какой реальной помощи; даже и въ этомъ случаѣ оно является великою нравственною поддержкою, помогающею перенести страданія.

Такъ страданія даютъ поводъ для одного изъ важнѣйшихъ проявленій любви — состраданія. Но состраданіе само по собѣ еще не есть высшее проявленіе любви: оно само можетъ исчезнуть подъ вліяніемъ личныхъ, эгоистическихъ мотивовъ, и такимъ образомъ надъ любовью восторжествуетъ своекорыстіе. Поэтому мало того, чтобы мы сочувствовали чужимъ страданіямъ, нужно, чтобы мы были готовы сами пострадать для того, чтобы устранить или предупредить страданія ближняго; нужно, однимъ словомъ, самоотверженіе, которое всѣми нами и вполне справедливо считается самымъ вѣрнымъ признакомъ совершенной любви. Всякое самоотверженіе есть отреченіе отъ какого-либо личнаго интереса, есть слѣдовательно лишеніе и слѣдовательно въ той или иной степени страданіе. Но высшую степень самоотверженія представляютъ тѣ случаи, когда мы готовы принять какія угодно страданія и даже смерть ради другихъ ¹⁾. Такимъ образомъ и здѣсь опять страданія служатъ средствомъ для самаго высшаго проявленія любви. И здѣсь опять, какъ указано уже относительно состраданія, закрѣпляется и совершенствуется самый союзъ любви. Если состраданіе порождаетъ и усиливаетъ нравственную связь между людьми, то самоотверженіе дѣлаетъ это въ тѣмъ болѣе высокой степени, чѣмъ больше въ немъ проявляется любви въ сравненіи съ однимъ только состраданіемъ.

¹⁾ Іоан. 15, 13.

Это о самоотверженіи вообще. Оно имѣетъ мѣсто тогда, когда мы добровольно принимаемъ на себя страданія ради блага ближнихъ. По есть еще видъ самоотверженія, въ которомъ чувство общечеловѣческой нравственной солидарности пріобрѣтаетъ наиболѣе сознательный, можно сказать, философскій характеръ. Это бываетъ тогда, когда мы страданія, совсѣмъ повидимому незаслуженныя и ничьему благосостоянію не содѣйствующія, принимаемъ съ полною покорностью и даже готовностью, по соображеніямъ такого рода. „Пусть я не заслужилъ этихъ страданій, но они можетъ быть заслужены другими, и я несу ихъ за другихъ. Наше нравственное достоиніе должно быть общее, какъ во времена апостоловъ было общее имущество. Наказаніе есть расплата за грѣхъ. Если у меня хватаетъ силы, чтобы принять ее на себя вмѣсто ближняго, то общность нашихъ нравственныхъ интересовъ не обязываетъ ли меня это сдѣлать? Мнѣ кажутся мои страданія никому, ни для чего ненужными и по тому нецѣлесообразными. Но, не говоря уже о томъ, что я не знаю, не спасли ли эти страданія меня самого отъ нравственной гибели, почему мнѣ знать: можетъ быть видъ моихъ страданій спасти не одну душу? Можетъ быть эти страданія внесли что-либо въ общую сокровищницу нравственнаго достоинства человѣчества, отразились важными послѣдствіями въ общемъ процессѣ нравственной жизни такими путями, о которыхъ мы и понятія имѣть не можемъ? „Такое сознаніе общности нравственныхъ интересовъ, когда человѣкъ даже и въ этой области совсѣмъ не отдѣляетъ своего достоинства отъ чужого, должно служить примиреніемъ со всякими неповинными страданіями. „Я не противлюсь больше тому, что меня постигаетъ по Твоей волѣ, говоритъ Викторъ Гюго. Душа отъ печали къ печали... стремится къ вѣчности..... Въ Твоихъ небесахъ, въ заоблачныхъ сферахъ, въ глубинѣ этой неподвижной и спящей лазури, Ты, можетъ быть творишь невѣдомыя намъ дѣла, для которыхъ необходимы скорби человека“ ¹⁾.

1) Je ne résiste plus à tout ce qui m'arrive,
Par votre volonté
L'âme de deuil en deuil l'homme de rive en rive,
Roule à l'éternité

Мы видѣли впрочемъ, что страданія наши всегда въ той или иной степени нами заслужены и слѣдовательно неповинными никогда не бываютъ. Но есть видъ страданій, которыя, повидимому, должны быть названы неповинными въ собственномъ смыслѣ слова — это страданія младенцевъ. О нихъ мы должны сказать особо ¹⁾. Всѣмъ памятно, конечно, то мѣсто изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго, гдѣ Иванъ Карамазовъ возмущается противъ Бога именно изъ-за этихъ страданій. И нужно согласиться съ тѣмъ, что если что-нибудь можетъ возмущать человѣческую душу противъ Провидѣнія, то болѣе всего именно видъ такихъ страданій. Будетъ ли однако такое возмущеніе сираведливо?— Ни въ какомъ случаѣ. Насъ возмущаетъ безусловная, повидимому, незаслуженность страданій. Но могутъ ли они быть названы безусловно неповинными? Это могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы младенцы были безусловно чисты отъ грѣха, или за него не отвѣтственны. Перваго мы не можемъ сказать. И съ библейской и съ научной точки зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы рождаемся во грѣхахъ, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ. Порочныя наклонности, съ которыми намъ приходится бороться впослѣдствіи, не всегда нами благопріобрѣтены втеченіе нашей жизни, а въ значительной долѣ явились на свѣтъ вмѣстѣ съ нами. Понятно при этомъ и то, что эти наклонности не остаются совершенно мертвыми потенціями, а такъ или иначе опредѣляютъ собою ходъ психической жизни младенца. Стало быть у него есть не только грѣховныя наклонности, а и самые грѣхи. Но если это несомнѣнно, то можетъ быть, что младенцы не отвѣтственны за свою грѣховность, потому-что у нихъ нѣтъ самосознанія и нравственной свободы. Но и это не такъ. Конечно, у ребенка нѣтъ самосознанія и свободы въ томъ смыслѣ, какъ у взрослого, но отрицать то и другое у нихъ совершенно—стало быть допускать, что впослѣдствіи они развиваются изъ ничего. Но ex nihilo,

Dans vos cieux au de la Sphère des nues,
 Au fond de cet azur immobile et dormant,
 Peut-être faites-vous des choses inconnues,
 Où la douleur de l'homme entre comme élément.

¹⁾ О страданіяхъ младенцевъ не очевъ давно печаталась статья А. И. Введенскаго въ Душенолезномъ Чтеніи, къ которой мы и отсылаемъ читателей, ищущихъ болѣе полнаго и обстоятельнаго отвѣта по данному вопросу

какъ мы знаемъ, *nihil fit*. Стало быть зародышъ самосознанія и самоопредѣленія мы должны допустить и у младенца. Однако понятно, что мѣра ответственности должна опредѣляться мѣрою свободы, и разъ послѣднюю мы допускаемъ только въ зародышѣ, то во всякомъ случаѣ въ относителномъ смыслѣ страданія младенцевъ все-таки должны быть не повинными. Это обстоятельство однако не мѣшаетъ намъ ихъ ставить въ зависимость отъ личной грѣховности младенцевъ еще и по слѣдующимъ соображеніямъ. Мы знаемъ, что страданія не суть только кара за грѣхъ, а и орудіе противъ него. Выше мы, насколько могли, старались показать, какимъ образомъ страданія производятъ очищающее дѣйствіе на душу вполне уже развившагося человѣка. Несомнѣнно, что такое же дѣйствіе, только менѣе сознательнымъ путемъ, страданія производятъ и на душу младенца. Мы уже, конечно, не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда жизнь младенцевъ, не повинно страдающихъ, не пресѣкается въ первыхъ же годахъ, и они достигаютъ зрѣлости: въ этихъ случаяхъ понятно само собою, что страданія младенческаго возраста могутъ имѣть громадное вліяніе на всю послѣдующую нравственную жизнь.

Такимъ образомъ, страданія младенцевъ могутъ быть поставлены въ зависимость отъ ихъ личной грѣховности. Но это одно едва ли еще можетъ насъ вполне удовлетворить. Мы знаемъ все-таки, что грѣховность младенцевъ слишкомъ ничтожна, а страданія ихъ могутъ быть очень жестоки. Приведемъ себѣ на память тѣ случаи, которые такъ возмущаютъ Ивана Карамазова. Случаи дѣйствительно вопіющіе. Какъ бы мы ни рассуждали, все-же страданія, въ нихъ представленныя, безъ сомнѣнія такъ мало заслужены, что могутъ быть названы не повинными. Это показываетъ, что, кромѣ указанныхъ соображеній, нужно еще въ чемъ-нибудь искать примиренія. Здѣсь намъ поможетъ опять та мысль, которую мы развивали выше, именно мысль о солидарности нравственныхъ интересовъ человѣчества. Младенцы, по этой мысли, страдаютъ не только для себя и за себя; они еще страдаютъ для насъ и за насъ. Если вообще страданія способны повлечь за собою громадныя послѣдствія въ нравственной жизни общества, то это особенно нужно сказать о не повинныхъ страданіяхъ. Мы знаемъ вѣдь,

что нѣтъ такихъ страданій, видъ которыхъ могъ бы производить такое глубокое впечатлѣніе на душу, какъ видъ страданій неповиннаго младенца и даже одна только мысль о нихъ. Впечатлѣніе должно еще болѣе усиливаться сознаниемъ, что мы являемся главною причиною этихъ страданій. Видя страданія младенца мы должны говорить самимъ себѣ: „смотри, несчастный, что ты надѣлалъ: вѣдь это ты заставилъ страдать такое невинное существо, почти ангела! Смотри же теперь на эти мученія и терзайся!“. Понятно теперь, что впечатлѣніе, которое способны произвести неповинныя страданія въ душахъ воспримчивыхъ можетъ доходить до полного нравственнаго переворота. Особенно нужно это сказать о родителяхъ. Вѣдь они связаны съ дѣтьми своими болѣе прочною нравственною связью, чѣмъ прочіе люди; стало быть, если ребенокъ страдаетъ за чужіе грѣхи, то болѣе всего и прежде всего за грѣхи своихъ родителей. Кромѣ того родители должны помнить, что они являются причиною страданій младенца не только чрезъ посредство своихъ личныхъ грѣховъ, но еще чрезъ посредство той грѣховности, которую они передали въ наслѣдство самимъ дѣтямъ.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что страданія не только не представляютъ чего-то безусловно возмутительнаго для нравственнаго сознанія, а даже, наоборотъ, служатъ къ удовлетворенію его требованій: какъ наказанія они удовлетворяютъ требованію справедливости; какъ исправительныя мѣры — отвѣчаютъ требованію нравственной чистоты; какъ условія для выраженія и развитія любви — удовлетворяютъ требованію нравственнаго общенія съ ближними. Принявъ въ соображеніе тѣ нравственные мотивы, которые указываетъ христіанство къ безропотному перенесенію страданій, мы можемъ быть не только не будемъ возмущаться противъ нихъ, а даже присоединимъ свой голосъ къ пожеланію отечественнаго поэта, который говорить:

Даруй намъ бури и ненастья,
 Даруй мучительные дни!
 Но отъ постыднаго безстрастья,
 Но отъ покоя сохрани!

Здѣсь мы могли бы и закончить наше чтеніе, если бы мы не опасались оставить въ слушателяхъ одно недоумѣніе, которое считаемъ долгомъ предупредить. Послѣ всего сказаннаго о томъ, какое нравственное благо заключается въ страданіяхъ, естественно является вопросъ; если страданія необходимы для нравственности, то стоитъ ли бороться съ ними? Не слѣдуетъ ли даже заботиться объ увеличеніи количества ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не нужно ли опасаться того, что страданій останется слишкомъ мало или даже, что они совсѣмъ исчезнутъ подъ вліяніемъ борьбы противъ нихъ? На это мы должны замѣтить: страданія представляютъ собою въ извѣстномъ смыслѣ благо лишь по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ они приводятъ; сами же по себѣ они суть зло и потому требуютъ дѣятельности, направленной на ихъ устраненіе. Если они необходимы для нашей нравственной жизни, то это не возраженіе противъ борьбы съ ними: самое ихъ нравственное значеніе основывается въ большинствѣ указанныхъ нами случаевъ именно на томъ, что ихъ нужно устранять и бороться съ ними. Въ виду этого устраненіе страданій есть прямо нашъ нравственный долгъ. Послѣ этого остается неустраненнымъ лишь одно опасеніе, какъ бы страданій не оказалось слишкомъ мало или какъ бы они совсѣмъ не исчезли. Въ успокоеніе тѣхъ, у кого бы явились такія опасенія, мы можемъ сказать, что для нихъ пока нѣтъ совершенно никакихъ данныхъ. Скажутъ, что культура, идущая впередъ исполинскими шагами, въ концѣ концовъ найдетъ средства противъ всѣхъ золъ, удручающихъ теперь человѣчество. Дай Богъ, конечно, чтобъ это было такъ, но если позволительно судить по настоящему о томъ, чего можно ожидать отъ будущаго, то едва ли культура въ состояніи оправдать такія ожиданія. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что современная культура стоитъ на значительно высокомъ уровнѣ. Но уменьшила ли она хоть насколько-нибудь количество страданій? Врядъ ли кто рѣшится сказать, что это такъ. Уже одно то, что съ повышеніемъ культуры повышается и чувствительность къ страданіямъ, должно служить достаточнымъ возраженіемъ противъ преувеличенныхъ надеждъ на культуру. Но допустимъ то, что мы считаемъ невозможнымъ, именно, что культура вполне преодолѣла всѣ виды физи-

ческаго зла: науки естественныя и техническія изобрѣли средства для господства надъ стихіями внѣшней природы; медицина нашла радикальныя средства противъ всѣхъ болѣзней и слѣдовательно противъ безвременной смерти. И тогда остается еще зло нравственное и страданія, непосредственно изъ него вытекающія. Но въ такомъ случаѣ опасенія за существованіе страданій свелись бы на опасеніе за то, какъ бы не исчезло нравственное зло. Остается пожалѣть, что не только настоящее, но и самое отдаленное будущее едва ли дастъ основанія для такихъ опасеній. Но если бы, паче чаянія, они когда-либо оправдались, то ничего лучшаго для себя человѣчество не могло бы и пожелать.

II. Городенскій.
